

ЦЕРЕМОНИЯ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР В АСПЕКТЕ ЭМОТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРСИДСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

М. Шафази¹, М. В. Загидуллина²

¹ Университет им. Алламе Табатабаи, Иран, Тегеран

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Предлагается рассматривать некоторые традиции гостеприимства в иранской культуре как речевой этикетный жанр «церемония». Авторы сопоставляют речевое оформление коммуникативной ситуации угощения в русскоязычной и персидскоязычной культурах и обобщают ключевые отличия в понятии «церемония» (как культурно-бытового феномена и речевого этикетного жанра) в аспекте эмотивного подхода (удовольствие, удовлетворение). Категория процессуальности (длительности), инвариантно характеризующая речевой этикетный жанр «церемония», выступает в качестве дополнительного измерения жанра и предопределяет закономерности его речевого оформления. Понимание значимости речевого жанра «церемония» в иранской культуре позволяет избежать недоразумений в организации межкультурных взаимодействий и добиться эффективной (эмотивно положительной) коммуникации в области российско-иранских межкультурных контактов.

Ключевые слова: речевой жанр «церемония», речевые этикетные жанры, вежливость, искренность, коммуникативная способность, коммуникативная компетенция, эмотивный потенциал речевых жанров.

Понятие «церемония»

Слово «церемония» (от лат. *caerimonia* в значении *благоговение, культурный обряд*) означает: 1) установленный торжественный порядок совершения чего-л. (церемония присяги, церемония вручения какой-н. медали, церемония вручения диплома, выездная церемония, свадебная церемония, церемония бракосочетания, чайная церемония (в Китае), церемония открытия/закрытия чего-н. и т. д.); и 2) церемонии условности, принужденность в поведении, обращении; излишняя, преувеличенная вежливость [8. С. 958].

В пятитомном толковом словаре персидского языка Мухаммада Моина слово «церемония» (тароф) определяется следующим образом: 1) знакомиться друг с другом; 2) оказывать гостеприимство; 3) дарить; 4) объявить знакомство / спросить о здоровье собеседника; 5) приветствовать; 6) подарок/дар/гостинец [28. V. 1. С. 1096]; в 16-томном словаре Деххода дополнительно к вышеуказанному можно встретить и значения: «приветствовать при встрече / при входе куда-н.; по иранскому этикету следует приветствовать и осуществлять церемонию; обеспечивать процесс угощения: угощение гостей и вербальный призыв гостей к угощению; приглашение гостей [26. С. 6793]. В иранской лингвокультуре попу-

лярна фразеология: *taarof amad naiamad darad!* («церемония может быть действительна, может быть недействительна!»); «не всегда принимать церемонию (приглашение, угощение, подарки и т. п.)» (в значении: не всякая церемония искренна). Церемония в первую очередь является проявлением вежливости в знак придания значимости коммуникативной ситуации. Приведенная фразеология используется применительно к оценке лицемерности церемонии, ее показного характера. Глагольная форма с частью *taarof* (церемония) + *dadan* (дать) — *taarof-dadan* (дарить подарки) — означает отправить кому-н. подарки [Там же]; а глагольная форма *taarof* (церемония) + *kardan* (давать) — *taarof-kardan* — приглашать к себе домой [Там же].

Как видим, существуют значительные расхождения в понимании «церемониальности» как основы речевого жанра просьбы, приглашения, благодарности, поздравления в персидскоязычной и русскоязычной культурах; понимание этих расхождений лежит в основе адекватной и эффективной межкультурной коммуникации. Особенную значимость приобретает эмотивный коннотат данного речевого жанра (поскольку его осуществление направлено на создание позитивных интеракций между коммуникантами; об эмотивном потенциале и коннотатах см. [20]).

Этим и определяется значимость обращения к данной теме.

Речевой этикетный жанр «церемония»

Настоящее исследование представляет собой анализ церемонии как речевого этикетного жанра на ряде словарных примеров с включением ситуационного анализа, позволяющего обнаружить многоуровневость самого феномена церемонии, существующего не только в виде словесных формул, но и в определенных поведенческих паттернах, неразрывно связанных с речевыми жанрами. Само понятие «речевой жанр» у М. М. Бахтина может быть рассмотрено в мультимодальном аспекте: речевой жанр есть вербальная конвенция определенной сферы человеческой деятельности; жанр вбирает в себя суть этой деятельности и одновременно является ее воплощением (в коммуникативном аспекте) [3. С. 160—162]. Таким образом, первичные речевые жанры, к каковым Бахтин относит и этикетные формулы прощания, приветствия и подобные, уже несут в себе много-ресурсность, воплощая определенную традицию и мировоззрение, а также включая и индивидуальные особенности конкретного высказывания, вбирающие экстралингвистические формы выражения. На наш взгляд, хотя Бахтин и подчеркивает ограниченные возможности первичных речевых жанров по сравнению с «творческими» вторичными (каковыми выступают, например, романы или драмы, рассматриваемые Бахтиным именно как высказывания), для исследователя важна внутренняя форма таких первичных жанров, предопределяющих суть и назначение высказывания, а мысль о «репертуаре речевых жанров», вырабатываемых каждой сферой человеческой деятельности, содержит в себе возможность дальнейшего развития теории речевых жанров применительно к коммуникации в целом. Это блестяще продемонстрировано в монографии В. В. Дементьева [6], обобщившего множество подходов к понятию речевого жанра, в том числе и в области этикетной коммуникации [См.: 2; 5; 9; 15—17; 21]. По мнению В. В. Дементьева, области этикета и вежливости должны быть строго разграничены: первая включает в себя строгие жанры, вторая — модусы их воплощения [6. С. 202—203].

Тема речевых жанров остается актуальной и в новейших работах [См.: 7; 19]; кроме того, высказывается критическое отношение исследователей к размыванию точного понятия «речевой жанр» в некоторых источниках [См. об этом: [1]].

Продолжая исследования речевых жанров как основы вербальной коммуникации, мы развиваем возможность выявления национальных особенностей этикетных речевых жанров в сравнительном исследовании на примере русского и персидского языков. Лингвокультурологические аспекты иранской культуры активно изучались прежде всего в сопоставлении с западным культурным стилем (труды Уильяма Бимана [См.: 22; 23]; ему же принадлежит заслуга активного исследования концепта «таароф» в иранской культуре). В то же время работ, посвященных собственно сравнительному анализу речевых этикетных жанров, воплощающих концепты вежливости и «таароф» в русскоязычном и персидскоязычном мирах, немного (см., в частности, некоторые недавние наблюдения [14; 11]). На наш взгляд, возможно внесение такого добавления в теорию речевых этикетных жанров, как «церемония» (рассматривается нами одновременно и как феномен поведения и культуры, и как этикетный речевой жанр). С нашей точки зрения, «церемония» не совпадает ни с концептом «вежливости» или «тарофа» (так же, как и в случае несовпадения этикета и вежливости [См.: 6. С. 202—203], ни с первичными речевыми жанрами приветствия, просьбы, пожелания, прощания. Хотя формально возможно вычленение элементов этих речевых жанров из комплексного состава церемонии, сами по себе, вырванные из ситуативного контекста, они не будут нести функции, реализуемые ими в составе целого. Именно эта невозможность «разложить» церемонию на составляющие ее единицы — первичные речевые жанры — и заставляет рассматривать церемонию как самостоятельный речевой жанр.

На наш взгляд, введение понятия «церемония» как единицы осуществления коммуникации в персидскоязычном мире может облегчить донесение особенностей иранской культуры до коммуникантов, вступающих в межкультурное общение и испытывающих сложности в правильной интерпретации действий (в том числе речевых) собеседника — представителя культуры Ирана. Речевой жанр «церемонии» выступает частью действия, таким образом обретая мультимодальное измерение (соединяя ряд модусов, включая невербальные, акциональные модусы).

Хотя в русскоязычной исследовательской литературе закрепилось понимание термина «мультимодальность» применительно к креолизованным или поликодовым текстам (упрощая, «картинка» + «текст»), в настоящей статье мы следуем

пониманию модуса как семиотического ресурса, предложенному М. Халлидеем и развивающему общие принципы социального интеракционизма. Таким образом, мультимодальный речевой этикетный жанр «церемония» представляет собой определенный фрейм диалогового поведения в ситуациях, предписывающих не только уместность, но и неизбежность такой коммуникации: речевые формулы являются частью предписанных действий, поведения (речь в том числе о жестах, мимике, взглядах, представляющих собой дополнительные семиотические ресурсы и позволяющие участникам индивидуализировать этикетное общение).

Для описания речевого жанра «церемония» следует уточнить место этого феномена в иранской культуре. С самого раннего детства иранцы становятся свидетелями осуществления этого жанра в коммуникации. В соответствии с семейными и социальными обычаями они привыкают использовать «церемониальную стратегию» в своем общении с окружающим миром, поскольку владение этим речевым жанром у иранцев относится к числу обязательных коммуникативных социальных умений и навыков общения с другими людьми [30. С. 100]. Как отмечено выше, понятия «вежливость» и «церемония» различаются. Такое различие касается не только языковых формул и языка жестов, но и интонации и конкретных движений коммуникантов. Владение навыками осуществления «церемонии» оказывается в прямой зависимости от другого важнейшего концепта иранской культуры — «лица» [27. С. 116—117]. При этом точки зрения исследователей на взаимовлияние «церемонии» и «лица» не совпадают: София Кутлаки представляет церемонию как «фактор укрепления лица» [24]; Нанбахш считает, что церемония угрожает «лицу» [25]. Ахмад Язди не соглашается с этими мнениями относительно понятия церемонии, так как, по его мнению, церемония может служить причиной и сближения, и отдаления. Хотя он подчеркивает, что церемония используется в качестве стратегии сближения с другими, для него важно, что такое сближение достигается не всегда одинаково и не всегда на него отвечают положительно. Церемония как речевой этикетный жанр открывает возможность проявления разной степени искренности и неискренности. Поэтому церемонию можно интерпретировать в зависимости от индивидуальных особенностей коммуникантов, их ситуативных ожиданий, которые дают сложные сочетания сближения или, наоборот, отдаления коммуникантов [29. С. 79].

Речевой этикетный жанр «церемония» и прием гостей

Рассмотрим особенности речевого этикетного жанра «церемония» на примере приема гостей. В ситуации угощения в иранской культурной среде наиболее часто встречаются четыре основные сложные глагольные формы, состоящие из имени существительного и вспомогательного глагола کردن (kardan) «делать» в общем значении «угощайтесь!»:

(Nooš-e-jān-kardan)	نوش جان کردن
(Meil-kardan)	میل کردن
(Tanāvol-kardan)	تناول کردن
(Sarf-kardan)	صرف کردن

В таких формулах поддерживается уважительная тональность, направленная на соблюдение этикета и «сохранение лица».

خواهش میکنم بفرمایید نوش جان کنید.

Приятного аппетита.

(Xāheš mikonam be-
farmaid nooše jān konid!)
(Прошу вас покушайте на здоровье!)

تناول بفرمایید.

Ешьте на здоровье. (tanāvol befarmāid)
(Покушайте, пожалуйста, еду)

میل کنید. / بفرمایید.

Ешьте на здоровье. (meil konid / befarmāid)
Приятного аппетита.
(Покушайте, пожалуйста, еду)

نوش جان کنید. بفرمایید.

(Nooš-e jān konid. *Отведайте.*
befarmāid.) *Откушайте*.*

* Данная форма в современном русском языке относится к устаревшим.

Церемония как речевой жанр предполагает поддержание разговора, маркированного формулами проявления искреннего уважения к гостю. Поэтому хозяева строят коммуникацию не на однократном приглашении к столу, но на постоянной заботе о том, что гость приступил к трапезе и наслаждается едой. Поэтому, хотя и возможно проведение параллели с русскоязычной культурой, сама структура речевого жанра иная, в ее основе — именно длительное, неустанное проявление заботы о госте.

<i>Угощайтесь,</i>	(befarmāid	بفرمایید میل کنید.	<i>Брось (что-</i>	(bezan tu rag)	بزن تو رگ.
<i>пожалуйста.</i>	meil konid)		<i>нибудь)</i>	(Bendāz bālā)	بنداز بالا.
<i>Пожалуйста,</i>	(befarmāid)	بفرمایید.	<i>в желудок</i>	(Bendāz tu	بنداز تو خندق بلا.
<i>попробуйте.</i>				xhandagh-e balā)	
<i>Проходите,</i>	(Befarmāid	بفرمایید سر میز.		(Bendāz tu	بنداز تو هندق بلا.
<i>пожалуйста,</i>	sar-e miz)			handaq-e balā)	
<i>к столу.</i>				(Beterek)	بترک.

Эквиваленты вышеуказанных формул обла- дают в персидском языке более высокой частот- ностью, чем в русском. Принцип длительности в организации речевого жанра церемонии прояв- ляется в варьировании различных формул, их на- низывании (кумуляции):

1)

Кушайте, а то остынет / Кушайте, а то мо- жет остыть.

(لطفاً غذا را) بخورید. سرد نشود (از دهان نیفتد).

(lotfan qazā rā bexorid. Sard naše / az dahān paiofteh) (нейтральное выражение)

2)

Пейте и ешьте, дорогие гости.

بنوشید، میل کنید، میهمانان گرمی.

(benoošid. meil konid, mihmānān-e gerāmi)

3)

Чувствуйте себя как дома.

فکر کنید منزل خودتان است.

(fekr konid manzel-e xodetān-eh)

Таким образом, с одной стороны, мы видим сходство самой организации высказываний (то есть создаются условия для выделения речевого эти- кетного жанра просьбы), но, с другой стороны, контекстуальная кумуляция делает эти формулы «работающими» только в составе длительной бе- седы как ее важнейшей ритуализованной части.

С этой точки зрения интерес представляет со- поставление русской и персидской лингвокуль- туры в той же ситуации угощения, помещенной в неформальный контекст. Мы можем обнаружить здесь сходство: в обеих культурах в таких случаях активизируется фольклоро-ориентированная прос- торечная лексика, а также жаргонизмы и стилис- тически сниженные выражения. Неоднозначность интерпретации таких речевых обращений свя- зана с тем, что они могут маркировать, с одной стороны, неформальную искренность, а с дру- гой — фамильярность (в негативном смысле) или невежливость.

Вот некоторые примеры таких неоднозначных sluчаев:

В русском языке такая фраза невозможна в офи- циальной ситуации угощения, но вполне употре- бима в кругу близких людей. В персидской куль- туре подобное выражение исключается из рече- вого этикетного жанра церемонии и маркирует сниженный вариант коммуникации во время тра- пезы в кругу «своих». В определенном смысле та- кие речевые формулы могут рассматриваться как «бесцеремонные», что буквально подчеркивает их противопоставленность речевому этикетному жанру церемонии.

Другой пример связан с использованием импе- ратива «ешь!» в русском языке и его эквивалентов (катр-е се се сар кон) и (katr-e se sar kon) в персидском языке (цит. по записям устных высказываний информанта Ахмада Тамимдари). Первая форма (kooft kon) более распространена (по сравнению со второй). Однако оба эти вари- анта также исключаются из речевого этикетного жанра церемонии. Важно, что в персидской куль- туре такое прямое обращение (подмена просьбы требованием) может стать источником конфлик- та, в основе которого лежит «угроза лицу».

Кроме того, в русскоязычной и персидскоязыч- ной культурных средах в ситуации угощения мож- но обнаружить следующие формы:

<i>Жри!</i>	(bā hers	(با حرص) بلمبان!
	belomban!)	
<i>Лопай!</i>	(beterek!)	بترک!
<i>Уплетай за</i>	(do loppī	دو لپی بلمبون!
<i>обе щеки!</i>	belomboon!)	
<i>Хавай!</i>	(kooft kon!)	کوفت کن!

Обращение к словарям показывает, что подоб- ные выражения маркируются как стилистиче- ски сниженные (просторечные, жаргонные и др.; см. [10. С. 159, 266, 682 и др.]). В персидскоязыч- ной культуре такие обороты речи, как видим, тоже существуют:

Ну что? Обожрался?
(xob četor bood? خوب چطور بود؟ خوب لمباندی؟
Xoob lombandi?)

Я нажрался/нажралась.
(sir šodam!) سیر شدم.

(Пометы «груб.», «простореч.» [12. С. 552, 579; см. также: 13. С. 406–407]).

Ну, я совсем объелся/объелась.

Ну, я совсем обожрался/обожралась (у вас).

شکمم سیر شد! / (Šekamam sir šod!) / سیر شدم! (Sir šodam!)
(я довольно наелся/наелась)

Ну тут мы с тобой очень обожрались.

من و تو خوب شکممون رو اینجا سیر کردیم!

(Man o to xoob šekamemoon ro injā sir kardim!)

Я наелся/наелась от живота.

(Šekamam sir šod) شکمم سیر شد.

Я нажрался/нажралась.

(Man sir-moni gereftam) من سیرمونی گرفتم.

Я натрескался/натрескалась.

(Tā xerxereh xordam) تا خرخره خوردم.

Он натрескался и повалился спать.

(U tā xerxereh xord va veloo šod) او تا خرخره خورد و ولو شد خوابید.

Отметим, что эти сниженно-разговорные фразы, равно как и подобные им варианты, и в русскоязычной, и в персидскоязычной культурах исключаются из речевого жанра «церемония».

Наконец, особый интерес представляет заключительная часть речевого жанра «церемония», когда гости прощаются с хозяевами и готовятся переступить порог дома. Этот элемент церемонии может занимать даже целый час. София Кутлаки перечисляет ряд формул, воплощающих эту часть церемонии (переход к заключительному этапу церемонии начинается еще во время угощения и завершается расставанием гостей и хозяев):

نه دیگه ما یواش یواش بریم دیگه.

[Нет. Уж мы потихонечку должны уехать.]

یه میوه بخورین.

[Пожалуйста, возьмите хоть один фрукт.]

نه دیگه متشکر، نه دیگه خیلی ممنون.

[Нет. Спасибо. Нет.]

چرا تعارف می کنید؟

[Пожалуйста, без церемоний!]

نه بابا چه تعارفی... نه من الآن هنوز گلوم درست حسابی خوب نشده.

[Какие церемонии? У меня горло болит. Болею.]

خب یه موز بخورین. یه موز. میوه ضرر دار نداریم. سیب..

[Хоть один банан возьмите. Он не вреден. Пожалуйста, яблоко!]

نه دیگه مرسی.

[Нет. Спасибо!]

چای نخوردین. چای می خورین حسین آقا؟

[Вы еще чай не пили. Будете чай пить, Хосейн Ага?]

نه خیلی متشکر. ما دیگه باید بلند بشیم. کتمو بپوشم.

[Нет. Спасибо. Мы уже должны идти. Пойду надену пальто.]

یه میوه بخورین برین. بزار خانوم موز شو.

[Берите фрукты. Позвольте, чтоб ваша супруга покушала этот банан] [24].

В иранской культурной среде ситуация прохода через дверной проем оформляется как особо значимый элемент как поведения, так и речи. Помимо статусной нагрузки, существуют и особые правила, коренящиеся в глубине традиций: например, тот коммуникант, что находится с правой стороны, обладает приоритетом над тем, что находится слева:

این چه فرمایشی است. شما سمت راست هستید. اول بفرمایید.

(In če farmāieši-st. Soma samt-e rāst hastid. Avval befarmāid.)

[Нет. Вы на правой стороне! Проходите, пожалуйста, первым!]

استدعا دارم. شما اول بفرمایید. (Ested-ā dāram. šoma avval befarmāid.)

[Прошу. Проходите первым!]

Возрастной приоритет:

شما بزرگتر هستید. شما اول بفرمایید. (Šomā bozorgtar hastid. šomā avval befarmāid.)

[Прошу, проходите, пожалуйста, первым. Вы старше!]

ممکن نیست من اول رد شوم. خواهش میکنم.

(Momken nist man avval rad šam. Xāheš mikonam.)

[Нет, нет, нет. Прошу!]

جان شما اگر بشود. شما اول بفرمایید. امکان ندارد قبل شما داخل شوم. شما بفرمایید.

(Jān-e šomā agar bešvad. šomā avval befarmāid. Emkān nadareh qabl-e šomā dāxel šam. šomā bafarmāid.)

[Нет, нет, нет! Проходите, пожалуйста, первым! Только после Вас!]

بفرمایید رد شوید!

(befarmāid rad šid)

[Пожалуйста, проходите!]

ممکن نیست! بعد از شما! (momken nist! Bad az šomā!)

[Нет. Только после вас!]

У русских принято пропускать вперед женщин, пожилых людей, женщин с детьми или уважаемого человека:

Нет, нет, нет. Только после вас!

امکان ندارد! بعد از شما! (emkān nadareh! Bad az šomā!)

Однако слишком долгая ситуация прощания или оказания знаков внимания и уважения в си-

туации прохода через дверь, например, в русской культуре может вызвать непонимание и насмешку. Классическое описание такой ситуации приведено в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (глава вторая):

«— Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после, — говорил Чичиков.

— Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, — говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Пожалуйста, проходите, — говорил Чичиков.

— Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.

— Почему ж образованному?.. Пожалуйста, проходите.

— Ну да уж извольте проходить вы.

— Да отчего ж?

— Ну да уж оттого! — сказал с приятною улыбкою Манилов.

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга» [4. С. 27].

«Комикование» Гоголя над своими персонажами между тем дает возможность понять реакцию представителя русскоязычной культуры на речевой этикетный жанр церемонии в иранской культуре: отсутствует сама основа понимания значимости этого словесного ритуала, и поэтому он выглядит как ненужное, неискреннее, «показное» проявление лицемерной вежливости, наполняется коннотатами негативной эмотивности. Между тем «обратная ситуация» краткого действия (пропустить вперед лицо старшего возраста, женщину, ребенка — например, с учтивым жестом, но без слов) может выглядеть в иранской культуре как «угроза лицу» и вызывать такую же нежелательную реакцию, как «излишняя» церемониальность в российской культуре. Незнание речевого жанра церемонии как устойчивого элемента персидскоязычной культуры чревато в межкультурном общении провалами и неверными оценками, отчуждением

коммуникантов, поскольку, помимо приведенных примеров угощения и гостевого визита, этот жанр может оформлять самые разные стороны делового общения (например, дипломатический дискурс или академическую коммуникацию). Обязательность обстоятельного вступления, предваряющего суть ответа на вопрос и содержащего формулы вежливости, учтивости, признательности говорящему, тоже может быть отнесена к речевому жанру церемонии в иранской культуре, что требует специальной подготовки коммуникантов к встрече и готовности к адекватному восприятию особенностей коммуникации с представителями иной культуры.

Заключение

Возвращаясь к речевому этикетному жанру церемонии с позиций лингвокультурологии, важно отметить, что к собственно лексической составляющей здесь неразрывно добавляется процессуальность, длительность как особый инвариант этого речевого жанра. Именно этот элемент позволяет говорить о речевом жанре церемонии как самостоятельном феномене, неразложимом на иные первичные речевые жанры. Категория процессуальности в условиях реализации церемонии как речевого жанра может рассматриваться как семиотический ресурс, самостоятельный модус действия и деятельности, поскольку требует наполнения разнообразными формами просьб и благодарностей, а также исполнения определенного ритуального сценария, направленного на проявление искренности и «сохранение лица». Таким образом, речевой этикетный жанр реализуется как мультимодальное явление, требующее комплексного рассмотрения, включающего не только наблюдения за речевым оформлением соответствующего коммуникативного действия, но и за его драматургией, предопределяющей эмотивный фон коммуникации.

Список литературы

1. Анисимова, Т. В. К вопросу о значении термина «речевой жанр» / Т. В. Анисимова // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. — 2019. — Т. 1, № 1. — С. 104—111.
2. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. — М. : АСТ-Пресс, 2001. — 672 с.
3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. — М. : Рус. словари, 1996. — Т. 5: Работы 1940—1960 гг. — С. 159—206.
4. Гоголь, Н. В. Мертвые души. Том первый // Полн. собр. соч. : [в 14 т.]. Т. 6. — [М.; Л.] : Изд-во АН СССР, 1951. — С. 5—247.
5. Гольдин, В. Е. Этикет и речь. / В. Е. Гольдин. — Изд. 3-е, доп. — М. : URSS, 2009. — 115 с.
6. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — М. : Знак, 2010. — 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).

7. Елина, Е. Г. Устный рассказ студента-активиста как речевой жанр / Е. Г. Елина // Жанры речи. — 2019. — № 3 (23). — С. 193—199.
8. Захаренко, Е. Н. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. — М.: Азбуковник, 2008. — 1040 с.
9. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. — М.: Языки славян. культуры, 2009. — 258 с. — (Язык. Семиотика. Культура).
10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Около 57 000 слов / С. И. Ожегов; под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. — М.: Рус. яз., 1988. — 749 с.
11. Вкус Востока. Гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки: монография / Е. А. Бакланова, Е. В. Берверс, А. В. Березина [и др.]; под ред. И. Т. Прокофьевой, Е. Ю. Карачковой. — М.: МГИМО-ун-т, 2018. — 639 с.
12. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К — О / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1983. — 736 с.
13. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С — Я / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1983. — 794 с.
14. Сотова, О. М. Уникальность явления таароф в персидском языке в контексте межкультурной коммуникации / О. М. Сотова // Гуманитарные технологии в современном мире. — Калининград: РАНХиГС, 2019. — С. 257—259.
15. Тарасенко, Т. В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Тарасенко. — Красноярск, 1999. — 24 с.
16. Тупикова, С. Е. Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на материале художественных текстов XIX—XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Е. Тупикова. — Волгоград, 2003. — 24 с.
17. Формановская, Н. И. Речевого этикет и культура общения / Н. И. Формановская. — М.: Высш. шк., 1989. — 159 с.
18. Формановская, Н. И. Речевого этикет в русском общении. Теория и практика / Н. И. Формановская. — М.: ВК, 2009. — 333 с.
19. Чернова, С. В. «Пранк» как речевого жанр развлекательного дискурса и его культурологический аспект / С. В. Чернова // Филол. науки в МГИМО. — 2019. — № 8. — С. 189—200.
20. Шаховский, В. И. Эмотивная валентность единиц языка и речи / В. И. Шаховский // Вопр. языкознания. — 1986. — № 6. — С. 97—103.
21. Шмелева, Т. В. Речевого жанр: опыт общепилологического осмысления / Т. В. Шмелева // Collegium. — 1995. — № 1—2. — С. 57—65.
22. Beeman, W. O. Language, Status and Power in Iran. Bloomington / W. O. Beeman. — Bloomington: Indiana Univ. Press, 1986.
23. Beeman, W. O. Emotion and Sincerity in Persian Discourse: Accomplishing the Representation of Inner States / W. O. Beeman // Intern. J. of the Sociology of Language. — 2001. — No. 148. — P. 31—57.
24. Koutlaki, S. A. Offers and expressions of thanks as face enhancing acts: ta'arof in Persian / S. A. Koutlaki // J. of Pragmatics. — 2002. — No. 34. — P. 1733—1756.
25. Nanbakhsh, G. Social constraints on Persian politeness ritual: Taarof / G. Nanbakhsh // Linguistic Politeness and Rudeness Conference. Lancaster: Lancaster Univ., 2009. — P. 55—56.
- [26.] علی اکبر دهخدا. لغت نامه دهخدا. جلد پنجم (تبوش - چاقور). تهران: موسسه انتشارات و چاپ دانشگاه تهران. ۷۷۳۱ ۶۲.
- [27.] زورن فایکا. ادب و تعارف در ایران. پژوهشهای ایرانشناسی. سال ۶. شماره ۱. بهار و تابستان ۵۹۳۱. صص ۳۳۱—۵۱۰. ۷۲.
- فرهنگ فارسی (متوسط) شامل یک مقدمه و سه بخش: لغات، ترکیبات خارجی، اعلام حاوی: لغات و اصطلاحات فصیح و ۸۲ عامیانه فارسی (ایرانی و غیرایرانی)، ترکیبات خارجی، اعلام (نامهای بزرگان جهان، اسامی جغرافیایی، کتابها و فرقه های دینی) / تالیف محمد معین- تهران: امیرکبیر، ۲۶۳۱، ۲۴۳۱ - ۶ ج.: مصور (بخش رنگی)، نقشه، جدول، عکس. (سلسله فرهنگهای معین، ۳)
- [28.] احمد ایزدی. کاوشی در وجه تعارف ایرانی. نشریه پژوهش های زبان شناسی. سال دهم. شماره دوم. شماره ترتیبی ۹۱. پاییز ۹۲.
- [29.] زمستان ۷۹۳۱. صص ۲۸—۷۶
- فاطمه جعفری. ابوالقاسم غیاثی زراج. تعارف و روابط اجتماعی ایرانیان: مطالعه موردی تعارف در آموزش زبان فارسی به ۰۳.
- [30.] عنوان زبان دوم. زبان فارسی و گویش های ایرانی. سال سوم. دوره اول. بهار و تابستان ۷۹۳۱. شماره پیاپی ۵. صص ۲۱۱—۳۹

Сведения об авторах

Шафаги Марьям — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Университета им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран. shafaghi@atu.ac.ir, maryam.shafaghi@mail.ru

Загидуллина Марина Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. mzagidullina@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 130—138.*

CEREMONY AS A SPEECH GENRE IN THE ASPECT OF EMOTIVITY (BASED ON THE EXAMPLE OF PERSIAN AND RUSSIAN)

M. Shafaghi

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran. shafaghi@atu.ac.ir, maryam.shafaghi@mail.ru

M.V. Zagidullina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. mzagidullina@gmail.com

In this article, the authors propose to consider some traditions of hospitality in Iranian culture as a speech etiquette genre “ceremony”. The authors compare the speech design of the communicative situation of sharing meal procedure in Russian and Persian-speaking cultures and summarize the key differences in the concept of “ceremony” (as a cultural and everyday phenomenon and speech etiquette genre) in terms of the emotive approach (pleasure, satisfaction). The theory of speech genres can be expanded to include individual elements of the context of the utterance as independent semiotic resources with emotive potential. The category of processuality (duration), which invariantly characterizes the speech etiquette genre “ceremony”, operates as an additional dimension of the genre and determines the rules of its speech design. Understanding the significance of the speech genre “ceremony” in Iranian culture allows communicants to avoid misunderstandings in the organization of intercultural interactions and achieve effective (emotionally positive) communication in the field of Russian-Iranian intercultural contacts.

Keywords: *speech genre “ceremony”, speech etiquette genres, politeness, sincerity, communicative ability, communicative competence, emotive potential of speech genre.*

References

1. Anisimova T.V. K voprosu o znachenii termina “rechevoy zhanr” [On the meaning of the term “speech genre”]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Bulletin of V.N. Tatishchev Volga State University], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 104-111. (In Russ.).
2. Balakay A.G. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow, AST-Press, 2001. 672 p. (In Russ.).
3. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Sobranie sochineniy. T. 5* [Collected works. Vol. 5]. Moscow, Russkie slovari, 1996. Pp. 159-206. (In Russ.).
4. Gogol' N.V. Mertvye dushi. Tom pervyi [Dead Souls. Volume One]. *Polnoe sobranie sochinenii v 14 t. T. 6* [Collected works in 14 vol, vol. 6]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1937-1952. (In Russ.).
5. Gol'din V.E. *Etiket i Rech'* [Etiquette and Speech]. Moscow, URSS, 2009. 115 p. (In Russ.).
6. Dement'ev V.V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (In Russ.).
7. Elina E.G. Ustnyi rasskaz studenta-aktivista kak rechevoy zhanr [Oral story of an activist student as a speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2019, no. 3 (23), pp. 193-199. (In Russ.).
8. Zakharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. *Novyi slovar' inostrannykh slov: svyshe 25 000 slov i slovosochetaniy* [New Dictionary of Foreign Words: over 25,000 words and phrases]. Moscow, Azbukovnik, 2008, 1040 p. (In Russ.).
9. Larina T.V. *Kategoriya vzhlivosti v angliiskoi i russkoi kommunikativnykh kul'turakh* [Politeness category in English and Russian communicative cultures]. Moscow, Izdatel'stvo RUDN, 2003. (In Russ.).
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka. Okolo 57 000 slov* [Dictionary of the Russian language. About 57,000 words]. Moscow, Russkii yazyk, 1988. (In Russ.).
11. Prokof'eva I.T., Karachkova E.Yu. (eds.). *Vkus Vostoka. Gastronomicheskie traditsii v istorii, kul'ture i religiyakh narodov Azii i Afriki* [Taste of the East. Gastronomic traditions in the history, culture and religions of the peoples of Asia and Africa]. Moscow, MGIMO-universitet. 639 p. (In Russ.).

12. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 t. T. 2* [Dictionary of the Russian language in 4 vol.]. Vol. 2. K-O. Moscow, Russkii yazyk, 1983. 736 p. (In Russ.).
13. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 t. T. 4* [Dictionary of the Russian language in 4 vol.]. Vol. 4. S-Ya. Moscow, Russkii yazyk, 1983. 794 p. (In Russ.).
14. Sotova O.M. Unikal'nost' yavleniya taarof v persidskom yazyke v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii [The uniqueness of the taarofic phenomenon in the Persian language in the context of intercultural communication]. *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire* [Humanitarian technologies in the modern world]. Kaliningrad, RANKhIGS, 2019. Pp. 257-259. (In Russ.).
15. Tarasenko T.V. *Etiketnye zhanry russkoy rechi: blagodarnost', izvinenie, pozdravlenie, soboleznovanie* [Etiquette genres of Russian speech: gratitude, apology, congratulation, condolences. Abstract of thesis]. Krasnoyarsk, 1999. 24 p. (In Russ.).
16. Tupikova S.E. *Razvitie bytovogo rechevogo etiketa kak funktsional'no-semanticheskoi universalii (na materiale khudozhestvennykh tekstov XIX-XX vv.)* [Development of everyday speech etiquette as a functional-semantic universal (based on the material of literary texts of the 19th — 20th centuries). Abstract of thesis]. Volgograd, 2003. 24 p. (In Russ.).
17. Formanovskaya N.I. *Rechevoy etiket i kul'tura obshcheniya* [Speech etiquette and communication culture]. Moscow, Vysshaya shkola, 1989. 159 p. (In Russ.).
18. Formanovskaya N.I. *Rechevoy etiket v russkom obshchenii. Teoriya i praktika* [Speech etiquette in Russian communication. Theory and practice]. Moscow, VK, 2009. 333 p. (In Russ.).
19. Chernova S.V. "Prank" kak rechevoy zhanr razvlekatel'nogo diskursa i ego kul'turologicheskii aspekt ["Prank" as a speech genre of entertaining discourse and its cultural aspect]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philological Sciences at MGIMO], 2019, no. 8, pp. 189-200. (In Russ.).
20. Shakhovskii V.I. Emotivnaya valentnost' edinits yazyka i rechi [Emotional valency of units of language and speech]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 1986, no. 6, pp. 97-103. (In Russ.).
21. Shmeleva T.V. Rechevoy zhanr: opyt obshchafilologicheskogo osmysleniya [Speech genre: the experience of general philological understanding]. *Collegium*, 1995, no. 1-2, pp. 57-65. (In Russ.).
22. Beeman W.O. *Language, Status and Power in Iran*. Bloomington, Indiana University Press, 1986.
23. Beeman W.O. Emotion and Sincerity in Persian Discourse: Accomplishing the Representation of Inner States. *International Journal of the Sociology of Language*, 2001, no. 148, pp. 31-57.
24. Koutlaki S.A. Offers and Expressions of Thanks as Face Enhancing Acts: Tæ'arof in Persian. *Journal of Pragmatics*, 2002, no. 34, pp. 1733-1756.
25. Nanbakhsh G. Social Constraints on Persian Politeness Ritual: Taarof. *Linguistic Politeness and Rudeness Conference*. Lancaster, Lancaster University, 2009. Pp. 55-56.
26. Dehkhoda A.-A. (1377 (1999)). *Loghat-nameh Dehkhoda* [Dehkhoda dictionary]. Jeld 5. (taboosh - chaghvar) [Volume 5 (Aggressive - Knife)]. Tehran, Moaseseh entesharat va chap daneshghah-e Tehran. (In Persian).
27. Faika Z. (1395 (2016)). Adab va taarof-e dar iran [Courtesy in Iran]. *Pazhoohesh-haie iranshenasi* [Iranian Studies]. Sal-e 6, shomareh 1, bahar va tabestan-e, pp. 105-133. (In Persian).
28. Moin M. (ed.). (1342-1362 (1964-1984)). *Farhang-e farsi (motevaset) shamel-e iek moghadameh va 3 bakhsh: loghat, tarkibat-e khareji, elam-e havi-e: loghat va estelahat fasih va amianeh farsi (irani va geir-e irani), tarkibat-e khareji, elam (nam-haie bozorgan, asami-e joghrafiyai, ketabha va ferghehha-ie dini)* [Persian (Medium) Culture includes an introduction and three sections: Vocabulary, Foreign Compositions, Declaration Containing: Foolish and Folk Persian (Iranian and Non-Iranian) Vocabulary and Idioms, Foreign Compositions, Declaration (World Names, Geographical Names, Books and Religious Sects)]. 6 Volumes: mosavar (bakhsh-e rangi), naghshah, jadval. Aks.- (selseleh farhang-haie moin, 3). Tehran, Amir Kabir. (In Persian).
29. Izadi A. (1397 (2019)). Kavoshi dar vajh-e taarof-e irani [Exploring the Iranian compliments]. *Nashrieh-ie pazhoohesh-hai-e zaban-shenasi* [Journal of Linguistic Research], Sal-e 10, no. 2, shomareh tartibi 19, pp. 67-82. (In Persian).
30. Jafari F., Giasi-Zrach A. (1397 (2018)). Taarof va ravabet-e ejtemai Iranian: motalee moredi taarof dar amoozesh-e zaban-e farsi be onvan-e zaban-e dovom [Iranian Interpretation and Social Relations: A Case Study of Interpretation in Teaching Persian as a Second Language]. *Zaban-e farsi va ghooieshhaie irani*. Sal-e sevom, Doreh avval, Bahar va tabestan, Shomareh paiapei 5, pp. 93-112. (In Persian).